

Моей матери

Часть первая

Глава 1

БАБУЛЯ БЕСПОКОИТСЯ обо мне. Не только потому, что моя сестра Бейли умерла месяц назад, и не только потому, что я уже шестнадцать лет ни слова не слышала от мамы, и даже не из-за того, что внезапно все мои мысли заняты исключительно сексом. Она забеспокоилась, потому что на одном из ее комнатных растений появились пятна.

Почти все семнадцать лет моей жизни бабуля верила, что этот конкретный цветок (понятия не имею, как он называется) отражает мое физическое, эмоциональное и духовное состояние. Со временем я и сама в это поверила.

Я сижу в комнате. В противоположном ее углу бабуля (сто восемьдесят сантиметров, облаченные в платье с цветочным орнаментом) нависла над пятнистой листвой.

— Только не говори, что на этот раз он не поправится! — обращается она к дядюшке Бигу. Этот местный арборист, любитель марихуаны и добавок ко всему безумный ученый знает обо всем понемножку. Но о растениях ему известно решительно все.

Задавая этот вопрос, бабушка смотрит на меня. Любому постороннему наблюдателю это показалось бы

странным, нелепым даже, но дядюшка Биг все понимает: он тоже не отрывает от меня взгляда.

— На сей раз болезнь крайне серьезна, — зычно провозглашает он, словно стоит на сцене или читает проповедь с кафедры. Что бы ни говорил дядюшка, слова его звучат значительно. Даже просьба передать соль в его устах кажется библейской заповедью.

Бабуля в отчаянии закрывает лицо руками, а я принимаюсь записывать стихи на полях «Грозового перевала». Я уютно устроилась в углу дивана. Говорить сейчас бесполезно, да можно хоть полный рот скрепок напихать, никто и не заметит.

— Но раньше цветок выздоравливал! Помнишь, когда Ленни сломала руку...

— ... тогда листья пошли белыми пятнами.

— Или прошлой осенью. После прослушиваний на первого кларнетиста, когда ее оставили на второй партии.

— Теперь пятна бурые.

— Было еще...

— На сей раз все иначе!

Я поднимаю взгляд. Эта парочка долговязых тараштит-ся на меня с тревогой и скорбью в глазах.

Цветоводческая компания Кловера может по праву гордиться садом бабули. Во всей Северной Каролине вы не встретите ничего подобного. Розы тут по весне взрываются таким безумным фейерверком красок, что перед ним меркнут все закаты, а благоухание от них разносится такое густое, что городские предания гласят: вдохнешь его — и в ту же секунду падешь жертвой любви. Но, сколько бы бабуля ни старалась, ее усилия и талант в случае с этим цветком не приносили никаких плодов: он отражал события моей жизни, не подчиня-

ясь естественным законам и не обращая внимания на уход.

Я кладу книжку и ручку на стол. Бабушка склоняется к растению и шепчет ему, как важно сохранять *joie de vivre*, а потом шаркает к дивану и садится рядом со мной.

Громадный Биг плюхается рядом с ней. Мы так и сидим весь день втроем, уставившись в пустоту, а наши одинаковые шевелюры напоминают взъерошенных ворон с блестящими черными перьями.

Мы так живем с тех пор, как месяц назад моя сестра Бейли внезапно скончалась от аритмии, репетируя сцену из «Ромео и Джульетты» для местного театра. Будто, пока мы смотрели в другую сторону, кто-то пропылесосил горизонт — и мир исчез.

Глава 2

Утром того дня, когда умерла Бейли,
Я проснулась от того, что она пихала палец
Мне в ухо.

Я терпеть не могла эту ее привычку.
А потом она примеряла блузки и спрашивала меня:
Какая тебе больше нравится, синяя или зеленая?

Синяя.

Но ты же даже не взглянула, Ленни.

Ну ладно, зеленая. Честно, мне плевать, какую блузку
ты наденешь...

Я повернулась на другой бок и опять задремала.

Позже я узнала,
Что она надела синюю.

Это были последние слова, что я ей сказала.

*(Написано на обертке от чупа-чупса, которую нашли
на тропинке к реке Рейни.)*

Я возвращаюсь в школу. Да, я так и думала: толпа расступается передо мной, как Красное море перед иудеями. Разговоры стихают. Глаза блестят от взволнованного сочувствия. Все смотрят на меня, не отрываясь, словно я сжимаю в объятиях бездыханное тело Бейли. Наверное, так оно и есть. Ее смерть охватывает меня со всех сторон. Я вижу ее, и остальные тоже видят. Словно стоит прекрасный солнечный день, а я с ног до головы закутана в мешковатое черное пальто. А вот чего я не ожидала, так это внезапной шумихи вокруг новичка по имени Джо Фонтейн. Он появился, пока меня не было в школе. Куда бы я ни пошла, везде слышу одни и те же разговоры.

— Ты уже видела его?

— Он похож на цыгана.

— На рок-звезду.

— На пирата.

— Я слышала, он играет в группе. Называется «Дайв».

— Он вроде гениальный музыкант.

— Кто-то мне сказал, что раньше он жил в Париже.

— Выступал на улицах.

— Ты уже видела его?

Я его уже видела. Когда я вернулась на свое обычное место в оркестре, там сидел он. Даже оглушенная горем, я все же оглядела его: черные ботинки, бесконечные ноги, обтянутые джинсами, столь же длинный торс и, наконец, лицо: такое оживленное, что мне становится неловко — похоже, я прервала его разговор с моим пюпитром.

— Привет! — спрыгивает он с места. Ну и каланча. — Ты, должно быть, Леннон, — он указывает на имя,

что написано на стуле. — Я слышал... Мои соболезнования.

Я замечаю, как он держит кларнет. Совсем не церемонится, вцепился в шейку, как в рукоять меча.

— Спасибо, — отвечаю я, и его лицо, до последнего миллиметра, превращается в улыбку. Ого! Его что, ветром из иного мира в нашу школу занесло? Чувак всеми порами источает счастье. В нашем обществе, где все из кожи вон лезут, чтобы выглядеть унылыми, он кажется инопланетянином. Его густые каштановые кудри торчат во все стороны, а ресницы так длинные, что напоминают паучьи лапки. Когда он моргает, похоже, что он строит вам глазки. Лицо его можно читать как открытую книгу, или нет, скорее как граффити на стене. Внезапно я поняла, что выписываю у себя на коленке пальцем слово «вау». Уж лучше заговорить и прервать эту неожиданную игру в гляделки.

— Обычно меня называют Ленни, — реплика не слишком оригинальная, но все же лучше, чем единственная альтернатива, а именно: восклицание «Хых!». Слова мои производят нужный эффект. Джо переводит взгляд на пол, и у меня есть время перевести дыхание перед очередным глядетельным состязанием.

— Мне вот интересно, Леннон — это в честь Джона?

А мне интересно, хлопнусь я сейчас в обморок или нет. Он не отводит от меня взгляда. Я лишусь чувств? Или меня разорвет от их избытка?

Я киваю:

— Мама была хиппи.

В конце концов мы же живем на севере Северной Каролины — на последнем рубеже Страны чудаков. В выпускном классе у нас учится девочка по имени

Электричество, есть мальчик по имени Волшебный Автобус и бесчисленные цветочки: Тюльпан, Бегония, Маков Цвет. Эти имена придуманы родителями и записаны в свидетельствах о рождении. Двухметровый громила Тюльпан был бы звездой футбольной команды, если бы в нашей школе она была. Но ее нет. Мы по утрам собираемся в спортзале на факультативные занятия медитацией.

— А, ага, — отвечает Джо, — моя мама тоже. И папа. А еще дяди, дяди, братья, двоюродные братья и сестры... Добро пожаловать в коммуну семьи Фонтейн!

Меня охватывает смех:

— Ясно!

Хотя погодите-ка, мне вообще можно так запросто смеяться? И нормально ли, что мне весело? Должно ли мне быть хорошо? Я будто прыгаю в прохладную речную воду.

Интересно, на нас кто-нибудь смотрит? Я оборачиваюсь. И как раз вовремя: в музыкальную комнату только что вошла (вернее, ворвалась) Сара. Мы с ней не виделись чуть ли не с самых похорон. Меня охватывает смутное чувство вины.

— Ленни-и-и! — Она несется прямо к нам. На ней первоклассный костюм готической девушки-ковбоя: винтажное черное платье в обтяжку, грубые тяжелые ботинки, светлые волосы выкрашены в такой ядрено-черный цвет, что кажутся синими; на голове крутейшая широкополая шляпа. Сара приближается с такой ошеломительной скоростью, что не успеваю я подумать: «Она что, собирается мне на руки прыгнуть?» — как она кидается на меня, и мы обе кубарем летим на Джо. Он каким-то чудом сохраняет равновесие, и мы не вылетаем в окно.

Такова Сара в своем самом спокойном состоянии.

— Как мило, — шепчу я ей на ухо, пока она сжимает меня в медвежьих объятиях (и как только это получается у такой хрупкой пташки?), — нашла способ сбить с ног шикарного новичка!

Как странно и как прекрасно чувствовать, как кто-то трясется от смеха, а не от отчаяния.

Сара — самый вдохновенный циник на всей планете. Из нее получилась бы идеальная чирлидерша, если бы ее не воротило от так называемого школьного духа. Мы с ней помешаны на книгах, но она выбирает только самые мрачные книги. Прочла «Тошноту» Сартра в десятом классе — именно тогда она начала носить черное (даже на пляже), курить (и все равно выглядит она как самая здоровая девчонка в мире) и носиться со своим экзистенциальным кризисом (не переставая кутить ночи напролет).

— Рад снова видеть тебя, дорогая Ленни, — слышу я. Это мистер Джеймс. Про себя я зову его магистром Йодой — и за внешность, и за недюжинный музыкальный талант. Он встает из-за рояля и смотрит на меня с тем выражением беспредельной скорби, к которому я уже привыкла. Все взрослые теперь смотрят так на меня. — Прими наши глубочайшие соболезнования.

— Спасибо, — в сотый раз за день отвечаю я. Взгляды Сары и Джо тоже устремлены на меня. В глазах подруги читается беспокойство, а улыбка новичка скоро станет шире, чем континентальная часть Штатов. Интересно, он на всех так глядит? Может, он просто тупой? Впрочем, что бы там с ним ни было, это, видимо, заразно. Не успела я опомниться, как к Америке на моем лице добавляются Гавайи и Пуэрто-Рико. Наверное, я сей-

час похожа на веселую плакальщицу. Черт! И это еще не все. Теперь я думаю о том, каково было бы его поцеловать... по-настоящему! Ох! Это уже проблема. Такая проблема, какую прежняя Ленни и выдумать бы не могла. Что вообще за хрень происходит? Это началось во время похорон. Я захлебывалась тьмой, и внезапно все парни в зале словно засияли. Коллеги и одноклассники Бейли (я почти никого из них не знала) подходили и подходили ко мне, выражали соболезнования. Может, потому, что я похожа на сестру, а может, им просто было меня жаль. Так или иначе, я стала ловить на себе их многозначительные напряженные взгляды. И представляете, я внезапно поняла, что отвечаю на их взгляды. Словно это и не я была, не ко мне в голову приходили все эти дикие мысли, да еще и в церкви (ужас какой!), да еще во время похорон сестры.

Но из всего класса теперь для меня сиял только этот мальчишка. Видимо, он родом из какой-то очень дружелюбной части галактики, думаю я, пытаюсь убрать с лица эту улыбочку чокнутой, и едва удерживаюсь, чтобы не брякнуть Саре: «Он так похож на Хитклиффа!» Потому что внезапно понимаю, что, если бы не его жизнерадостность, он и правда вылитый Хитклифф. И тут я чувствую удар под дых — жизнь валит меня на холодный асфальт. Я вспомнила, что не могу после школы побежать домой и рассказать Бейлз о новом мальчишке из оркестра.

Весь день моя сестра умирает заново. Раз за разом.

— Лен? — Сара трогает меня за плечо. — Все хорошо?

Я киваю, силой мысли пытаюсь остановить поезд горя, который несется прямо на меня.